

Благодарности

Жизнь моей бабушки Этель Кемпф была настолько богата событиями, что могла бы надолго обеспечить вдохновение любому писателю. И несмотря на это, она все равно повторяла: «Кого волнует прошлое?» — и прожила сто один год, глядя лишь в будущее. Надеюсь, теперь ей удалось обрести лучшее на небесах.

Как обычно, появлению этой книги я обязана многим людям. Выражаю сердечную благодарность своему изумительному агенту Уэнди Шерман, которая летела вместе со мной на Тайвань, убеждала меня, и умудрялась оставаться честной в самом положительном смысле. Я глубоко признательна дальновидному редактору и издателю Дженифер Эндерлин, которая сразу поняла концепцию романа и улучшила ее; замечательному коллективу издательства Сент-Мартин Пресс: это Лайза Сенц, Дори Уэйнтроб, Кейти Бэссел, Брент Джейнсуэй, Эрика Мартирано и Джордан Хенли. Я благодарна специалистам, которые посвятили мне время и делились ценными советами: детективу Кристи Ф. Джирард; адвокату Марку Шерману и доктору философских наук Фелисии Рожек, писателю Ланди Бэнкрофт, агентам кино и телевидения Мишель Вайнер и Оливии Блауштайн с канала Си-Эй-Эй, литературному агенту по международным правам Дженни Мейер, и Кэрол

Уэнди Уокер

Фицджеральд из компании «Букрипортер» за неизменную поддержку в работе.

От себя лично хотелось бы от всей души поблагодарить писателей, способных как никто другой делиться историями, любить и выслушивать их, свою семью, которые всегда со мной и в горе, и в радости, беззаветно любимых сыновей Эндрю, Бена и Кристофера, и «истинных леди», которые поднимали мне настроение, звали на коктейли и смешили — наша дружба не раз спасала меня в трудные времена.

Теперь же в память о своей бабушке я смотрю в будущее. Вперед!

1

*Лора Лохнер. Первый сеанс.
Четыре месяца назад. Нью-Йорк*

Лора: Я даже не знаю, хорошая ли это идея.

Доктор Броуди: Все зависит от тебя, Лора.

Лора: А что, если ты попробуешь исправить меня, но в итоге я сломясь окончательно?

Доктор Броуди: А если нет?

Лора: Я боюсь возвращаться туда. В прошлое. В ту ночь в лесу. В памяти по-прежнему остается провал.

Доктор Броуди: Все в твоих руках, Лора. Тебе решать.

Лора: Оно было у меня в руке. Орудие убийства. И все же той ночью я не изменилась. Я лишь увидела себя той девочкой, какой была всегда.

Доктор Броуди: С этого и начнем. Расскажи мне о той девочке, какой ты была всегда.

2

*Лора. Настоящее время. Четверг, 7 вечера.
Бренстон, Коннектикут*

П*омада. Вишнево-красная.*

Я выбрала именно такую, потому что она сочная и яркая. Оптимизм в тюбике. То, что мне пригодится сегодня вечером.

Ванная комната для гостей в доме моей сестры тесная до невозможности, со скошенным потолком и крохотным овальным зеркальцем. Помада лежит на самом краешке раковины.

Наношу ее в первую очередь, чтобы не передумать, щедро размазывая оптимизм по губам. Затем — консилер. Пара мазков под карими глазами — и черные круги после бессонных недель исчезают. Розовые румяна освежают щеки, давным-давно не видевшие солнечного света.

Хронические совы днем спят.

Сестра одолжила мне прелестное платье. Черное в крохотный цветочек.

Надень для разнообразия платье. В нем ты будешь выглядеть сногшибательно.

Роузи недавно исполнилось тридцать. Она живет с мужем Джо и карапузом Мейсоном. Их дом расположен на

холмах Бренстона, что в шести милях от центра города. И в миле от того места, где все началось. Улицы, на которой мы выросли. Переулк Оленьих холмов.

Роузи уверяет, что ей некуда надеть это платье. Подол мешает гоняться за Мейсоном, а она слишком выматывается днем, чтобы вечером хватало сил на что-то большее, чем перехватить пивка в торговых рядах на окраине. Послушать ее — так можно подумать, будто она скучает по тем временам, когда не было дел важнее, чем прихорашиваться и наряжаться. На самом же деле сестре не нужны ни платье, ни поводы надеть его, потому что ее дни наполнены медвежьими объятиями, безудержным смехом и жаркими поцелуями.

Мужа Роузи, Джо, все это не волнует. Он любит ее. И даже сейчас, после тринадцати лет совместной жизни. И даже после общего детства, проведенного на одной улице. И даже несмотря на то, что Мейсон спит в их постели, старый дом постоянно нуждается в ремонте, а сестра не носит платьев.

Джо обожает ее, потому что в юности Роузи надевала специально для него столько прелестных платьев, и он до сих пор видит жену той нарядной девчонкой.

И именно такой меня должны видеть сегодня вечером.

В сваленной на полу куче из полотенец и одежды ищу свой телефон. Найдя, открываю свою страницу, выпуская на волю надежду. *Джонатан Филдз*. Это имя звучит как песня.

Джонатан Филдз. Я встретила его на «Найди свою любовь» — популярном и известном сайте знакомств. Название говорит само за себя. Джонатану Филдзу сорок. Год назад от него ушла жена, отчаявшаяся забеременеть. Ей достался дом. Ему — черный «БМВ».

Так он и заявил.

Джонатан Филдз позвонил мне по телефону. Он сказал, что не любит электронную почту или эсэмэс-переписку за безличность. Сайты знакомств он тоже ненавидит, однако на «Найди свою любовь» его друг встретил будущую невесту. Это не чета приложениям, помогающим найти партнера для секса на одну ночь. Никаких смахиваний вправо или влево. На одно лишь заполнение профиля уходит целый час. Фотографии одобряются модераторами. Как сказал Джонатан Филдз, все это напоминает бабушку, которая пытается пристроить тебя на свидание вслепую, чем изрядно меня насмешил.

Джонатан Филдз сказал, что ему нравится мой смех.

Мне же понравился тембр его голоса, и теперь одно воспоминание о нем вызывает теплую волну по всему телу. Уголки рта непроизвольно изгибаются в улыбке. Улыбке.

Чертовой улыбке.

Я так много рассказывала о работе, что, к моему облегчению, почти не говорила о себе.

Всю свою жизнь прыгая сквозь горящие обручи и крутя украшенные блестками кольца в группе черлидерш, я заработала впечатляющее резюме: бакалавриат в Принстоне*, диплом магистра Колумбийского университета, работа на Уолл-стрит.

Уолл-стрит — одно из тех слов, которое всегда будет в этом мире, и неважно, насколько они устарели. Я работаю в Мидтауне**, а это не так уж и близко от Уолл-стрит, который находится на самом краю Манхэттена. Да и моя компания не так крута как Голден Сакс***. День-деньской я просиживаю штаны за столом в офисе, читаю и пишу всякую ерунду, уповая на бога, что не ошиблась, так как

* Принстонский университет — частный исследовательский университет Лиги плюща в штате Нью-Джерси, один из ведущих в США.

** Центральная часть Манхэттена.

*** Один из крупнейших инвестиционных банков мира.

остальным сотрудникам придется заключать договора и сделки на основании моих же рекомендаций. Моих, женщины двадцати восьми лет, которой понадобился мозг-прав, чтобы тот объяснял, как нужно жить дальше.

Джонатан Филдз работает в хедж-фонде* в центре Нью-Йорка, поэтому он сразу понял, чем я занимаюсь.

Так он и сказал.

Я не упоминала о своем детстве здесь, в Бренстоне, когда с ватагой соседских ребятишек носилась в лесах за домом сколько бы мне ни вздумалось. Вместе с Роузи — и Джо, который жил выше по улице до старших классов, пока не переехал с семьей поближе к центру.

И ничего не говорила о том, почему не возвращалась сюда все эти годы.

Меня нет в социальных сетях и никогда там не было, так что навряд ли он сможет что-либо проверить. Я не назвала своей настоящей фамилии. Лохнер. В «Гугле» до сих пор можно найти Лору Лохнер и то, что она совершила — или же нет: за все эти годы там так и не пришли к однозначному мнению. С самого своего отъезда я пользуюсь девичьей фамилией матери. Харт.** Лора Харт. Иронично, не правда ли? Называться так после того, как собственное было разбито.

Недомолвки — не ложь.

Роузи взяла фамилию Джо — Ферроу, так что во всем Коннектикуте не осталось ни одного Лохнера из нашего клана.

Я сказала ему, что приеду на минивэне сестры. Голубом. Унизительно. Я ищу новую машину, *просто в последнее время была слишком занята.*

* Инвестиционный фонд, ориентированный на оптимизацию доходов при заданном риске или минимизацию риска при заданной доходности.

** Харт или *англ.* Heart — сердце.

В дверь стучат. Я открываю и вижу смущенного Джо. Вернувшись из адвокатской конторы, он так и не переделал костюм, только ослабил узел на галстукке и расстегнул воротник. В Джо почти два метра роста, и он, если только не согнется в три погибели, едва видит, что происходит за дверным проемом. Животик нависает над ставшим слишком тесным поясом брюк. И несмотря на это, Джо по-прежнему остается привлекательным.

— Я должен уговорить тебя надеть платье, — он выдавливает это из себя с таким видом, словно одно упоминание женской одежды лишает его яиц.

Снизу ему вторит голос жены:

— Да надень ты уже это чертово платье! Вот то самое, которое я дала тебе!

Джо улыбается и вручает мне стакан бурбона, который прикрывал ладонью:

— Ну и горластая же она! Сынку, черт возьми, теперь до утра не заснуть.

На губах расплывается улыбка, хотя хочется плакать. Джо боготворит мою сестру. Она — его. И они оба обожают Мейсона. *Любовь, любовь, любовь.* Любовь окружает меня со всех сторон, заставляя сожалеть о том, что я так долго жила вдаль от родных. И она же напоминает, почему так вышло. Любовь живет здесь, постоянно оставаясь недоступной для меня.

Делаю маленький глоток бурбона.

— Да уж, так ведь и было предопределено, верно? Ты женился на одной из Лохнер, — констатирую я.

Джо закатывает глаза и качает головой:

— Я в курсе. Уже поздно давать задний ход?

— Вроде того.

Джо вздыхает, бегло взглянув на наряд, висящий на душевой перекладине:

Ночь накануне

— Хорошо. Просто надень его. А этот парень... Лучше бы ему не оказаться мерзавцем, или я так надеру ему задницу...

Я киваю:

— Будет исполнено. Надеть платье. Надрать задницу.

Он продолжает, и тут я перестаю улыбаться:

— Ты уверена, что готова к новому роману?

Я вернулась обратно после расставания — это все, что им известно. Рассказать остальное не хватило мужества. Они рады моему возвращению. По-настоящему рады. И я боюсь встревожить и расстроить родных людей, открывая им очередную дурную главу своей жизни. И тот факт, что они не наседают с расспросами, лишь подтверждает: они ожидают самого худшего, и в действительности не хотят ничего знать. Возможно, им хочется верить, что я уже другая. И теперь, быть может, мы заживем как нормальные люди, потому что я изменилась навсегда.

Я знаю, отпуск за свой счет, взятый на престижной работе, и переезд взрослой женщины к сестре всего лишь из-за разрыва с любовником представляются изрядным сумасбродством. Из-за расставания с мужчиной, о котором они не ведали ни слухом ни духом. Насколько серьезно все было? Этот вопрос я читаю на лице Роузи каждую секунду, каждый божий день.

Обдумав вопрос, готова ли я к новому роману, смотрю на Джо, пожимая плечами:

— Скорее всего, нет.

Он саркастически замечает:

— Класс!

Мы говорили о том же самом до того, как я поднялась наверх. Джо наворачивал круги, протирая все поверхности, прислушиваясь к гудению посудомоечной машины, чувствуя удовлетворение от того, что после целого рабочего

дня смог навести порядок. (Он — чистюля. В отличие от Роузи.) Счастливый хомяк, бегущий в своем колесе.

Просто развлекусь. Не буду ждать слишком многого. Пройдусь по стеклу, лишь бы на одну-единственную ночь стать свободной!

Роузи дала Джо кулаком по руке, и он театрально вздохнул, словно безмерно тоскуя по прежней холостяцкой жизни. Они оба довольны. Роузи, которая готовит мне кофе, жалуясь на предстоящий долгий день. Джо, который сидит со мной поздними вечерами на кухне, только он и я, каждый с бурбоном, отбрасывающий назад черные, небрежно ниспадающие волосы так, чтобы были видны залысины.

— Смотри! — вздыхает он. — Разве это не очевидно?! Я лысею от скуки!

Но я вижу правду. Вижу, когда они обнимают Мейсона, или целуются украдкой, думая, что они одни. Остальное — лишь разговорчики.

Их ведут счастливые люди, желая ободрить нас, остальных.

Наш друг Гейб тоже здесь. Гейб — четвертый пожизненный член нашей детской воровской шайки. Он жил прямо справа от нас с родителями и старшим братом, пока тот не поступил в военное училище, а затем — в армию. Сейчас Гейб снова в том же доме, где вырос. Он выкупил его у матери, переехавшей после смерти мужа во Флориду.

Странно, что все трое до сих пор здесь. Там же, где я оставила их десять лет назад.

Только в прошлом году Гейб женился на женщине, с которой познакомился по работе. *Мелисса*. Она была его клиенткой, о чем он никогда не распространяется, так как, по его собственным словам, это *неловко и неприлично*. Гейб занимается компьютерной криминалистикой — иногда по заказу подозрительных супругов, какой и была Мелисса,

когда они встретились. Он обнаружил улики, которые привели к ее разводу, а сейчас она замужем за Гейбом.

Он счастлив, но не до такой степени, чтобы можно было сострить по этому поводу. Полагаю, для его завлечения под венец потребовалось нечто большее, чем разговоры о ребенке. Мелисса была сломлена, а Гейбу нравится чинить все, особенно людей. Она была чужачкой для Роузи и Джо, а потом и меня, с тех пор как я вернулась домой. Мелисса переехала сюда из Вермонта к своему первому мужу, а теперь здесь из-за Гейба. Нам трудно воспринимать ее во всех ее ипостасях одновременно. Не спасает положения и то, что Мелиссу здесь скорее терпят, чем радуются ей, хотя все мы пытаемся это скрыть. Она высокая и тонкая как палка — настолько, что Роузи в ее присутствии даже при своих метре шестидесяти роста и все меньше шестидесяти килограмм чувствует себя жирной коротышкой. Мелисса не в восторге от ругательств Джо: ее коробит каждый раз, когда тот бросает острое словцо. Отчего он, разумеется, старается употреблять их чаще. В прошлые выходные на барбекю Джо умудрился вставить четыре непечатных выражения в одну фразу. Что касается меня... Что ж, я одинокая женщина и храню уйму прожитых с ее мужем историй. Она слишком недалекая, чтобы понять нашу дружбу.

Так что, как говорит Джо каждый раз, когда Мелисса уходит, требуя от мужа сопровождать ее: «Ну и черт с ней!». Воровская шайка с Оленьего холма — крепкие орешки.

Сегодня Гейб задержался после ухода своей благоверной. Он с ухмылкой подмигнул мне и выдал что-то обнадеживающее, вроде: «Лора съест этого парня с потрохами. Она всегда была бешеной и бесстрашной».

Пытаюсь улыбнуться. С другой стороны, я бросила шикарную работу, потому что мне разбили сердце. Выхо-

дит, не такая уж я бешеная и бесстрашная, верно? Не слишком похоже на Лару Крофт или Джессику Джонс, способных надрать задницу и задать врагам жару. Мужчины штабелями падают к моим ногам — но нет, *мне не до них, потому что я должна спасти мир.*

Разговор, как и подобные до него, прервался прежде чем мы перешли к самому важному. К скверным делам, которые натворила эта бешеная и бесстрашная девчонка. Именно здесь, в этом городке.

Мейсон зовет Джо. От голоса племянника мое сердце тает. Вероятно, малыша науськала мать. Так и слышу: «Сынок, иди позови папу!». Она смакует вино. Джо закатывает глаза.

— Хочешь, оставлю тебе бутылку? — предлагает он.

— Кому из нас она нужна больше? — парирую я.

— Тонко подмечено. Очко в твою пользу.

Джо забирает выпивку и оставляет меня наедине с платьем и косметикой.

И зеркалом.

Джонатана Филдза я нашла не сразу. Я только зарегистрировалась на «Найди свою любовь» и все сделала не так. Первая ошибка — честное описание. Я заявила, что *независима, но способна к компромиссам*, предпочитаю *текилу шардоне, ныряние с аквалангом — лежанию на пляже, кроссовки — шпилькам*. Призналась, что не знаю, хочу ли детей. Стыдобища!

Но ужасная, огромнейшая ошибка — фотографии. Они были свежие и без фильтров. Вот я на прогулке со старым другом. Играю с племянником на лужайке перед домом. Стою на кухне в футболке со стянутыми в хвост мышинными волосами. Никакого щеголяния грудью.

Мне они, то есть снимки, показались милыми. (Я не лучший специалист по женской груди.) Все это, весь профиль — это была я. Прежняя я.